

ЭПИКУР О СТРАСТЯХ

В. В. БРОВКИН

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

VLADIMIR BROVKIN

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russia)

EPICURUS ON THE PASSIONS

ABSTRACT. The article deals with the question of Epicurus' attitude to the passions. It is established that the doctrine of passions plays an important role in the philosophy of Epicurus. It is shown that Epicurus sees the greatest danger to peace of mind in fears of the forces of nature, in love passion and greed. Therefore, these passions must be completely eliminated. Anger, according to Epicurus, should be restrained, because in some cases it can be natural. Epicurus approves of the pleasant sadness of remembering dead friends and compassion for loved ones. Epicurus also welcomes the joy and even rejoicing associated with spiritual goods. Thus, on the question of passions, Epicurus managed to develop a position that differs from both the Stoic doctrine of dispassion (apathy) and the peripatetic doctrine of moderation in passions (metriopathy).

KEYWORDS: Epicurus, stoics, peripatetics, apathy, metriopathy, fears of the forces of nature, love passion, anger, greed, joy.

1. Введение. Взгляды перипатетиков и стоиков о страстях

В данной статье мы рассмотрим вопрос об отношении Эпикура к страстям. Вопрос о страстях занимал важное место в античной этике. В эпоху эллинизма в греческой философии сложились две основные позиции по данному вопросу. Первая позиция была представлена Аристотелем и перипатетиками, которые полагали, что страсти необходимо сдерживать. Представители второй позиции – стоики полагали, что страсти необходимо полностью искоренять. Мы полагаем, что Эпикур, как основатель одной из крупнейших философских школ античности, не мог пройти мимо данного вопроса. Но в

случае с Эпикуром мы имеем дело с одним обстоятельством, которое затрудняет его прояснение. Дело в том, что Эпикур, говоря о главных препятствиях на пути к счастливой жизни, акцентирует внимание не на страстях и пороках, как перипатетики и стоики, а на страхах перед силами природы и пустых желаниях. В то же время, полемика между перипатетиками и стоиками о страстях может оказать немалую пользу для нашего исследования. На наш взгляд, только в контексте данной полемики рассмотрение позиции Эпикура о страстях может быть наиболее успешным и продуктивным. В этой связи, начать исследование мы хотим с прояснения позиции перипатетиков и стоиков о страстях.

О взглядах перипатетиков о страстях сообщают Цицерон, Сенека и Диоген Лаэртский. Сообщения этих авторов во многом совпадают. Так, Цицерон с возмущением заявляет: «Но что сказать, когда перипатетики об этих страстях (*perturbationes*), которые мы считаем подлежащими искоренению, заявляют, будто они не только естественны (*naturalis*), но даже и на пользу даны нам от природы!» (*Tusc. IV 43*) (здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова). Согласно Цицерону, перипатетики положительно оценивают такие страсти как гнев, горе, сострадание, соперничество, зависть, страх. Особое внимание Цицерон уделяет позиции перипатетиков о гневе. Цицерон приводит следующее рассуждение перипатетиков: «Настоящая битва – это та, которая ведется во имя законов, свободы и отечества, – а в такой битве хорошо лишь то мужество, которое приправлено гневом» (Там же). При этом, гнев должны проявлять не только солдаты, но и полководцы, а также ораторы. Как пишет Цицерон, по мнению перипатетиков, для достижения необходимого результата на поле боя или во время судебного заседания проявление гнева является необходимостью. Далее Цицерон отмечает, что перипатетики усматривают некоторую пользу от страстей. Так, якобы горе полезно тем, что оно причиняет страдание тому, кто совершил проступок; сострадание помогает в утешении несчастливо пострадавших; чувства соперничества и зависти стимулируют к тому, чтобы не отставать от других в делах; страх необходим для поддержания усердия. Цицерон подчеркивает, что позиция перипатетиков в вопросе о страстях заключается в том, чтобы научиться их сдерживать и использовать во благо: «Они признают, что этим чувствам нужно бы подрезать ветви; но выкорчевывать их с корнем будто бы и невозможно и не нужно, а самое лучшее в большинстве таких случаев держаться середины (*mediocritatem*)» (*Tusc. IV 46*).

Сенека, как и Цицерон, полагает, что позиция перипатетиков заключается не в избавлении от страстей, а только в их сдерживании. Будучи стоиком, Се-

нека резко критикует взгляды перипатетиков. Одним из важнейших источников, в котором представлена полемика между стоиками и перипатетиками в вопросе о страстях, является трактат Сенеки «О гневе». Позицию перипатетиков в этом сочинении Сенека представляет следующим образом: «Вот отчего некоторые полагают, что лучше всего – ввести гнев в известные границы, но не уничтожать его совсем (*putant temperare iram, non tollere*); нужно избавляться от излишков гнева, переливающих через край, оставив умеренное количество, ровно столько, сколько нужно для благотворного воздействия на человека, чтобы не ослабела его деятельная решимость, не увяли силы и жизненная энергия» (*Ira* I 7,1) (здесь и далее пер. Т. Ю. Бородай). Сенека не ограничивается изложением данного мнения. Он приводит также слова Аристотеля и Теофраста. Как пишет Сенека, Аристотель убежден в том, что гнев в разумных пределах просто необходим в военных делах. Без проявления этой страсти невозможно одержать победы в бою. Но гнев является не единственной полезной страстью: «Аристотель говорит, что некоторые чувства, если правильно ими пользоваться, могут служить хорошим оружием» (*Ira* I 17,1). Теофраст же, как отмечает Сенека, полагает, что добрый человек не может оставаться совершенно бесчувственным, когда обижают его близких: «Добрый человек, – говорит Теофраст, – не может не гневаться на злых» (*Ira* I 14,1).

Позиция перипатетиков в вопросе о страстях прямо вытекает из этики Аристотеля. Излагая этическое учение Аристотеля, Диоген Лаэртский сообщает, что «мудрец (*σοφόν*), <...>, не свободен от страстей (*ἀπαθῆ*), а умерен в страстях (*μετριοπαθῆ*)» (*D. L.* V 31) (здесь и далее пер. М. Л. Гаспарова). В «Никомаховой этике» Аристотель говорит: «Страстями, [или переживаниями] (*πάθη*), я называю влечение (*ἐπιθυμίαν*), гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь, ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще [все], чему сопутствуют удовольствия (*ἡδονή*) или страдания (*λύπη*)» (*EN* II 1105b 20–25) (здесь и далее пер. Н. В. Брагинской). Аристотель полагает, что страсти не являются добродетелями или пороками, поскольку «за страсти нас не почитают ни добродетельными, ни дурными, за добродетели же и пороки почитают» (*EN* II 1105b 30). Аристотель доказывает, что в отношении страстей следует держаться середины (*μεσότης*): «Как в страстях, так и в поступках (*πάθεισι καὶ ἐν ταῖς πράξεσι*) [пороки] преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же [умеет] находить середину и ее избирает» (*EN* II 1107a 5). В качестве примера можно привести рассуждение Аристотеля о гневе (*ὀργή*). Эту страсть, несмотря на одиозный статус в античной философской традиции, Аристотель не спешит искоренять. Как он говорит, в отношении гнева серединой является ровность (*πραότης*), избытком – гневливость

(ὀργιλότης), недостатком – безгневность (ἀοργησία). Аристотель не отказывает гневу в праве на существование. Главное – это знать, при каких обстоятельствах и в какой степени следует его проявлять.

Еще одним свидетельством терпимого отношения Аристотеля к страстям являются его следующие слова: «Обладание серединой возможно и в проявлениях страстей, и в том, что связано со страстями» (EN II 1108a 30). Аристотель поясняет свою мысль на примере стыда (αἰδώς), который не является добродетелью. Но стыдливый человек, по его мнению, заслуживает похвалы, поскольку держится середины. Крайностями же стыдливости являются робость и беззастенчивость. Что еще важно отметить, говоря о позиции Аристотеля в вопросе о страстях, так это то, что некоторые страсти не допускают середины. Аристотель пишет, что такие страсти, как злорадство, бесстыдство и злоба, являются дурными сами по себе, а не в силу избытка или недостатка. Следовательно, «в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок» и поэтому от этих страстей необходимо полностью избавляться (EN II 1107a 10).

Стоики в своем отношении к страстям исходят из иных, нежели перипатетики, оснований. Согласно Зенону, страсть (πάθος) – это чрезмерно сильное движение души, противоположное разуму (SVF I 205) (здесь и далее пер. А. А. Столярова). Несколько иное определение страсти дает Хрисипп. По его мнению, страсть – это ошибочное суждение разума (SVF III 382–385) (здесь и далее пер. А. А. Столярова). Например, вожделение является превратным суждением о благе, а страх – неверным суждением о зле. Хрисипп пытается дополнить и уточнить определение страсти, данное Зеноном. Как отмечает А. А. Столяров, если Зенон предпочитает описывать страсти через ту или иную деформацию душевной пневмы, то Хрисипп стремится выразить причину страсти как явления и поэтому использует для этого «логическое» описание (SVF I 209). Однако, несмотря на некоторые расхождения в определении страсти, все стоики сходились в представлении о ее глубоко порочной природе. По мнению стоиков, на противоположной чаше весов от добродетели (ἀρετή) находится порочность (κακία). Это устойчивое состояние души (διάθεσις), направленное к пороку. Страсть же, как пишет А. А. Столяров, «есть проявление порочности; но в отличие от нее не является неизменным состоянием: это импульс, подпадающий под нравственную оценку» (Столяров 1995, 196).

Как мы видим, крайне негативное отношение стоиков к страстям объясняется тем, что они рассматривают их в качестве проявления порочности. В стоической философии порочность противоположна добродетельности.

Если добродетель является единственным благом, от которого зависит счастливая жизнь, то пороки являются единственным злом, ведущим к несчастью. Но в резком неприятии стоиками страстей имеется еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что среди стоиков было широко распространено представление о страстях как болезнях души (*νόσημα, ἀρρώστια*). По мнению стоиков, наряду с болезнями тела существуют болезни души. Если телесная болезнь зачастую связана с немощью – подагрой или артритом, то душевная болезнь имеет отношение к страсти – гневу или сластолюбию. У Стобея имеется определение болезни души, которое полностью совпадает со стоическим определением страсти: «Болезнь – это порожденное вождением мнение, перетекшее в устойчивое состояние и укрепившееся; оно приводит к тому, что недостойное стремления считается в высшей степени желанным, – какова, например, страсть к женщинам, вину, деньгам» (SVF III 421).

Представление о страстях как болезнях души объясняет нетерпимое к ним отношение со стороны стоиков. Любая страсть как душевная болезнь будет всегда беспокоить человека, если ее полностью не устранить. Согласно стоикам, перипатетики ошибаются, полагая, что страсти можно сдерживать и контролировать. Как полагают стоики, страстями невозможно управлять. Именно об этом пишет Сенека: «Ибо, едва вступив в права владения, страсти сразу становятся могущественнее, чем их предполагаемый правитель – разум, и не позволят ни потеснить себя, ни умалить» (Ira I 7,2). Также стоики настаивают на том, что искоренение страстей зависит от самого человека. Это важная деталь, поскольку, согласно стоическому учению, от самого человека в жизни мало что зависит. Согласно стоикам, в мире господствует судьба. Единственное, что зависит от самого человека, – это его душевный настрой, который может быть обращен к добродетели или к пороку. Как пишет Цицерон, опираясь на мнение стоиков, между душой и телом существует различие, которое заключается в том, что здоровая душа недоступна болезни, а тело доступно: «Телесные недуги могут приключиться и не по нашей вине, а с душой так не бывает, поскольку все ее болезни и страсти (*morbi et perturbationes*) возникают от пренебрежения разумом (*rationis*)» (SVF III 426).¹ Таким образом, в вопросе о страстях, стоики заняли позицию, которая заключается в достижении бесстрастия (*ἀπάθεια*).

---

¹ Как отмечает С. С. Демина, взгляды Цицерона и Сенеки о страстях и пороках «имеют меньше общих черт, чем отличий, в том числе весьма существенных» (Демина 2023, 744). Однако несмотря на это, Цицерон и Сенека разделяют общестоицкое положение о необходимости полного изгнания страстей.

Следует добавить, что в вопросе о страстях у стоиков, как и у Аристотеля, имелось одно исключение из правил. Как Аристотель полагает, что некоторые страсти постыдны сами по себе и заслуживают полного устранения, так и стоики полагают, что существует несколько благих страстей (εὐπάθεια). К числу благих эмоций относятся радость (χαρά), осмотрительность (εὐλάβεια) и воля (βούλησις). Согласно стоикам, радость – это благоразумное воспарение, осмотрительность – разумное уклонение, воля – благоразумное стремление. Эти эмоции противоположны наслаждению, вожделению, страху и присущи только мудрецу. Учение стоиков о благих эмоциях позволяет взглянуть на их позицию в вопросе о страстях с другой стороны. На первый план выдвигается уже не отрицание страстей (апатия), а одобрение благих эмоций (благострастие). Однако, следует признать, что акцент на благих эмоциях в стоической философии был выражен достаточно слабо. Очевидно, что в первую очередь стоики стремились акцентировать внимание на пагубности страстей и необходимости их устранения. Непримиримая позиция стоиков в отношении страстей способствовала развитию полемики с перипатетиками. Как отмечает Р. Шарплз, в вопросе о страстях аристотелизм традиционно противостоял «крайним этическим взглядам стоиков» (Sharples 2003, 166).

2. Место учения о страстях в философии Эпикура

Переходя к Эпикуру, прежде всего, следует отметить один важный момент. В отличие от перипатетиков и стоиков, у Эпикура, на первый взгляд, не просматривается большого интереса к вопросу о страстях. Если обратиться к стоикам и перипатетикам, то можно заметить, что им приписывается большое количество сочинений о страстях. Так, сообщается, что Зенону принадлежит сочинение «О страстях» (Περὶ παθῶν); Клеанфу – «О наслаждении» (Περὶ ἡδονῆς); Гериллу Карфагенскому – «О страстях» (Περὶ παθῶν); Дионисию Гераклеяскому – «О бесстрастии» в 2 книгах (Περὶ ἀπαθείας), «О наслаждении» в 4 книгах (Περὶ ἡδονῆς); Сферу Боспорскому – «О страстях» в 2 книгах (Περὶ παθῶν); Хрисиппу – «О страстях» в 4 книгах (Περὶ παθῶν), «О наслаждении» (Περὶ ἡδονῆς); Антипатру из Тарса – «О гневе» (Περὶ ὀργῆς); Гекатону – «О страстях» (Περὶ παθῶν); Посидонию – «О страстях», «О гневе», «О печали»; Сенеке – «О гневе» в 3 книгах (De Ira). Если говорить о перипатетиках, то здесь наблюдается следующая картина. Сообщается, что Аристотель написал «О наслаждении» (Περὶ ἡδονῆς), «О страстях, или О гневе» (Περὶ παθῶν <ἢ περὶ ὀργῆς>, «Страсти» (Πάθη); Теофраст – «О страстях» (Περὶ παθῶν), «О малодушии» (Περὶ λιποψυχίας), «О меланхолии» (Περὶ μελαγχολίας), «О наслаждении

по Аристотелю» (Περὶ ἡδονῆς ὡς Ἀριστοτέλης), «Еще о наслаждении» (Περὶ ἡδονῆς ἄλλο); Стратон – «О наслаждении» (Περὶ ἡδονῆς). Если обратиться к перечню сочинений Эпикура и его последователей, то мы не увидим большого количества работ, посвященных страстям. Можно отметить сочинение Эпикура «О любви» (Περὶ ἔρωτος) и сочинение Филодема «О гневе» (Περὶ ὀργῆς), сохранившееся во фрагментах. Как пишет В. Цуна, «дошедшие до нас труды Эпикура не содержат ни общей теории эмоций, ни детального рассмотрения какой-либо конкретной эмоции» (Tsouna 2011, 187). Однако из этого не следует, что Эпикур не уделяет данной теме внимания. Как мы увидим далее, рассуждения Эпикура о страстях встречаются во многих его сочинениях и изречениях.

Как известно, философия Эпикура дошла до нас во фрагментарном виде. Несмотря на это, при внимательном рассмотрении всех имеющихся в нашем распоряжении источников по философии Эпикура можно обнаружить, что тема страстей занимает в них очень важное место. В сохранившихся текстах и фрагментах Эпикура неоднократно упоминаются такие страсти (πάθος, ἐπιθυμία) как тревога (ταραχή), смятение (ταραχή и θόρυβος), страх (φόβος, τάρβος), гнев (ὀργή), печаль (λύπη), алчность (φιλαργυρία), сладострастие (ἔρωτικὸν πάθος), сладострастие (λιχνεία), зависть (φθόνος), сострадание (ἐλεημοσύνη), радость (χαρά и γηθοσύνη). О некоторых из этих страстей идет речь также и в других источниках по эпикурейской философии. Например, у Тита Лукреция Кара в поэме «О природе вещей», у Филодема в трактате «О гневе», во фрагментах Диогена из Эноанды, у Цицерона в первой книге сочинения «О природе добра и зла».

Первая сложность, которая возникает при рассмотрении вопроса о страстях у Эпикура связана с их определением. Согласно источникам, Эпикур называет претерпевание (πάθη) одним из трех критериев истины (κρίτηρια τῆς ἀληθείας) (DL X 31). Данной теме Эпикур посвящает отдельное сочинение «Мнения о претерпеваниях к Тимократу» (Περὶ παθῶν δόξαι πρὸς Τιμοκράτην). Согласно Эпикуру, претерпевания – это наслаждение и боль (ἡδονή καὶ ἀλγηδών), «возникают они во всяком живом существе, и первое из них близко нам, а второе чуждо; этим и определяется, какое мы предпочитаем и какого избегаем» (DL X 34).

По мысли Эпикура претерпевания являются главным критерием при суждении о благе и зле. Сложность заключается в соотношении претерпеваний и отдельных страстей. Дело в том, что Эпикур признает как телесные, так и душевные наслаждения и страдания. И даже более того, высшим наслаждением Эпикур считает душевное спокойствие и отсутствие телесных страданий (ἀταραξία καὶ ἀπονία).

Решение данной проблемы, на наш взгляд, может быть связано с представлением Эпикура о разделении души (*ψυχή*) на две части – разумную (*λογικόν*) и неразумную (*ἄλογον*). Тит Лукреций Кар первую называет духом (*animus*) или разумом, а вторую – душой (*anima*). Впрочем, как верно отмечает Дж. М. Рист, сам Эпикур не разделяет душу на отдельные части. Различие между душой и духом – «это различие способностей в квази-аристотелевской манере, а не различие между разными типами физического тела» (Rist 1972, 80). По сообщению Диогена Лаэртского, неразумное начало души рассеяно по всему телу, а разумное начало «находится в груди (*θώρακι*), что явствует из чувства страха и радости (*φόβων καὶ τῆς χαρᾶς*)» (DL X 66). Данное мнение Эпикура полностью согласуется со словами Тита Лукреция Кара: «Разум, который у нас зовется умом или духом. Он в середине груди расположен и там пребывает. Мечутся здесь и боязнь и ужас, и сладко трепещут радости» (De rerum natura III 139–142) (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). Мы склонны согласиться с мнением Д. Констан, согласно которому у Эпикура просматривается доктрина, «включающая два уровня души, один из которых иррациональный и является местом ощущений и чувств или *pathe*, другой – рациональный и являющийся местонахождением тех эмоций, которые в основном зависят от веры» (Konstan 2008, 25).

Именно это обстоятельство может объяснять, почему Эпикур считает источником происхождения страстей ложные представления о мире, которые формируются в результате непонимания устройства природы и господства мнений толпы. Как отмечает Дж. Уоррен, «Эпикур убежден, что страх смерти, как и все другие вредные установки, проистекает из ложных мнений и, в частности, из ложных оценочных суждений» (Warren 2004, 7). Эпикур не снимает ответственности с человека за наличие у него страстей: «Поскольку ты находишься в затруднении, ты находишься в затруднении вследствие забвения о природе; ибо ты сам себе создаешь безграничные страхи и желания (*ἀορίστους φόβους καὶ ἐπιθυμίας*)» (fragmenta epicurea D 46). Страсти, во власти которых находится человек, согласно Эпикуру, свидетельствуют о его нежелании прислушаться к голосу природы. Следовательно человек отчасти сам виноват в своем бедственном положении. Но Эпикур не возлагает всю ответственность за страсти на самого человека. Эпикур отдает себе отчет в том, что правильное понимание того, как устроена природа, дано далеко не всем. Знание об устройстве мира приобретает в результате долгих и глубоких размышлений. Не исключено, что Эпикур считал себя первым философом, который обрел спасительное знание и подарил его людям. Во всяком случае, именно так полагает Тит Лукреций Кар, который прямо называет Эпикура «поистине богом»: «Он, кто впервые нашел ту основу разумную жизни, что

называем теперь мы мудростью. Он, кто искусно жизнь из волнений таких и такой темноты непроглядной в полную ввел тишину, озаренную ярким сиянием» (De rerum natura V 8–12).

Не менее, а возможно и более серьезным фактором в формировании ложных представлений о мире, по мнению Эпикура, является господство мнений толпы. Как отмечает Эпикур в письме к Менекею, приятную жизнь рождает «трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее (лживые) мнения (δόξας), от которых душу объемлет величайшее смятение (θόρυβος)» (Ad Men. 132) (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). Эпикур полагает, что люди в массе своей глубоко ошибаются в своих представлениях о мире и жизни. Именно эти представления наполняют душу многочисленными страстями. Эпикур и вслед за ним Тит Лукреций Кар подробно объясняют, как у человека формируется страх перед силами природы. Согласно Эпикуру, человек приходит в смятение из-за тех противоречащих друг другу представлений, которые господствуют в обществе. Так, люди считают небесные тела бессмертными и блаженными и одновременно с этим наделяют их желаниями и действиями, не имеющими ничего общего с божественной природой. Еще одним источником сильной тревоги является широко распространенное мнение о вечном страдании после смерти, описанном в мифах. Самые сильные страхи, которые человек испытывает в жизни, порождаются общественным мнением. Тит Лукреций Кар вслед за Эпикуром обвиняет религию и мифологию в распространении страхов перед смертью и богами. Критикуя пророков, Тит Лукреций Кар восклицает: «Сколько ведь, право, они способны придумать нелепых бредней, могущих смутить и нарушить все жизни устои и безмятежность твою отравить окончательно страхом!» (De rerum natura I 104–106). Но Эпикур противостоит не только народным суевериям. Как отмечает Б. Фаррингтон, ответственность за распространение страхов перед силами природы Эпикур возлагает также на другие философские школы. В частности, в резкой критике, которой Эпикур подвергает астрономию, вполне возможно «речь идет о новых астральных богах Платона и его последователей» (Farrington 1967, 124).

О строго отрицательном отношении Эпикура к страстям говорят его многочисленные высказывания. Большую ценность представляют следующие слова Эпикура: «Пусты слова того философа, которыми не врачуется никакое страдание человека (πάθος ἀνθρώπου). Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души (ψυχῆς ἐκβάλλει πάθος)» (fragmenta epicurea D 54) (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). В данном фрагменте Эпикур прямо называет страсти страданиями и болезнями души. Следовательно, задача философии

заключается в избавлении человека от этих болезней. Согласно Эпикуру, страсти угрожают человеку в любом возрасте, поэтому философией или врачеванием души следует заниматься с ранних лет: «Первое дело для спасения [для счастья] – наблюдение над юностью и охранение ее от всего оскверняющего ее пагубными страстями (μολυνόντων κατὰ τὰς ἐπιθυμίας)» (Sent. LXXX) (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). О том, что страсти способны разрушить не только жизнь отдельного человека, но и подорвать благополучие целого государства, говорит эпикуреец Торкват: «Ведь одна только мудрость способна изгнать отчаяние из нашей души и не дать нам дрожать от страха, способна научить нас жить в спокойствии, умерив пыл всех наших желаний. Ведь страсти ненасытны (cupiditates enim sunt insatiabiles), они губят не только отдельных людей, но и низвергают целые роды, а нередко потрясают даже целые государства» (Fin. I 43) (пер. Н. А. Федорова). Следует отметить, что античная история богата примерами, подтверждающими данное мнение.

В представлениях Эпикура о страстях имеется еще одна немаловажная особенность. Дело в том, что у Эпикура страсти противоположны не добродетели, как, например, у стоиков, а душевному спокойствию. Эпикур рассматривает страсти в качестве сильных волнений души, которые лишают человека покоя. Об этом красноречиво говорит Тит Лукреций Кар: «Сколько жестоких забот и терзаний, внушаемых страстью, мучат смятенных людей и какие вселяют тревоги!» (De rerum natura V 45–46). А безмятежность как высшее удовольствие является конечной целью жизни в эпикуреизме. Здесь уместно привести слова самого Эпикура: «Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель (τέλος), то мы разумеем <...> свободу от телесных страданий и от душевных тревог (ἀλλὰ τὸ μῆτε ἀλγεῖν κατὰ σῶμα μῆτε ταραττεσθαι κατὰ ψυχὴν)» (Ad Men. 131). В этой связи борьбу со страстями можно рассматривать в качестве одной из важнейших задач в философии Эпикура. Однако, как мы показали выше, данная задача в античной философии имела не одно решение. Перипатетики призывали сдерживать страсти, стоики настаивали на их полном искоренении.

В случае с Эпикуром мы сталкиваемся с еще одной сложностью: «В отличие от стоиков, эпикурейцы не стремятся искоренить все эмоции, а только те, которые они считают чрезмерными и вредными. Однако, похоже, что первые представители школы не всегда проводили четкие различия между здоровыми и нездоровыми эмоциями» (Tsouna 2011, 188). Возможно, этим объясняется отсутствие у Эпикура четких критериев классификации страстей. Из рассуждений Эпикура о страстях не всегда понятно, какую позицию он занимает – призывает ли он к сдерживанию той или иной страсти, или настаивает

на ее полном искоренении. С одной стороны, у Эпикура имеется высказывание, которое сближает его с перипатетиками: «Благополучием и счастьем обладает не обилие денег, не высота положения, не должности какие-либо или силы, но свобода от печали (*ἀλυπία*), умеренность чувств (*πραότης παθόν*) и расположение души, полагающее (всему) пределы, назначенные природой» (*fragmenta epicurea D 85*). Может показаться, что Эпикур выступает сторонником сдерживания страстей. В пользу этого говорят слова *πραότης παθόν*, которые могут быть переведены также как «сдержанность в страстях». Еще в одном фрагменте сообщается, что эпикурейский мудрец «больше, чем другие, доступен страстям (*πάθεισι μᾶλλον συσχεθήσεσθαι*), но мудрости его они не препятствуют» (*DL X 117*). С другой стороны, в нашем распоряжении имеется немало фрагментов, в которых Эпикур высказывается гораздо менее терпимо в отношении страстей и призывает к их полному устранению. В заключительной части статьи мы постараемся прояснить позицию Эпикура по данному вопросу.

3. Представления Эпикура об отдельных страстях

Начнем с рассмотрения страхов перед силами природы. К этой группе страстей у Эпикура можно отнести не только страхи, которые порождаются ложными представлениями об устройстве мира. Это также смятение, тревога, печаль, которые возникают в результате непонимания и заблуждений относительно явлений природы. Таким образом, необходимость изучать природу у Эпикура объясняется только одним обстоятельством – избавлением от страхов и тревог. Никакой самостоятельной ценности в изучении природы Эпикур не усматривает. Как он пишет в письме к Геродоту, если мы будем с вниманием относиться к чувствам внутренним и внешним, «то будем правильно определять причины, откуда явилось [отчего произошло] смятение и страх (*τάραχος καὶ ὁ φόβος*), и, определяя причины небесных явлений и остальных спорадически случающихся фактов, мы устраним все, что крайне страшит отдельных людей» (*Ad Hdt. 82*) (пер. Ф. А. Петровского). Страхи перед силами природы могут не только лишить человека душевного спокойствия, но и подтолкнуть к самоубийству. В особенности это касается страха перед смертью. Эта страсть обладает совершенно разрушительной силой. Тит Лукреций Кар пишет: «Часто же их до того доводит боязнь перед смертью, что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному, от безысходной тоски они сами себя убивают, вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом» (*De rerum natura III 79–82*).

Что может говорить в пользу версии о том, что Эпикур призывает сдерживать страхи перед силами природы? На наш взгляд, в пользу этой версии могут говорить следующие слова Эпикура: «Человек бывает несчастлив или вследствие страха (φόβον), или вследствие безграничной, вздорной страсти (ἀόριστον καὶ κενὴν ἐπιθυμίαν); обуздывая (χαλινῶν) их, человек может приобрести себе способность счастливо мыслить» (fragmenta epiceurea D 74). В данном высказывании наибольший интерес представляет слово χαλινῶω, которое означает «обуздывать» или «умерять». Эпикур призывает к обузданию страхов и страстей. Согласно Эпикуру, следует ограничивать силу страхов и страстей. Следовательно, речь идет именно об их подчинении, а не искоренении. В то же время, у Эпикура имеются другие высказывания, которые могут быть интерпретированы в пользу версии о его приверженности полному устранению страхов перед силами природы. В одном из фрагментов Эпикур говорит: «Если бы нас нисколько не беспокоили подозрения (ὑποψία) относительно небесных явлений и подозрения о смерти, что она имеет к нам какое-то отношение, а также непонимание границ страданий и страстей (ἀλγηδόνων καὶ τῶν ἐπιθυμιῶν), то мы не имели бы надобности в изучении природы» (KDox 142) (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). В другом фрагменте говорится следующее: «Нет никакой пользы готовить себе безопасность по отношению к людям, если есть подозрения [опасения] (ὑπόπτων) относительно того, что в вышине, под землей и в бесконечности вообще» (KDox 143). В данных высказываниях обращает на себя внимание мысль Эпикура о том, что даже малейшие подозрения (ὑποψία) о явлениях природы могут привести человека в смятение и лишить его счастливой жизни. Сдерживание или смягчение страстей предполагает, что они не полностью устраняются, а остаются в душе человека, но в ограниченном виде. Принято считать, что в таком случае страсти находятся у человека под контролем. Но, как мы видим, Эпикур заявляет о том, что опасность для душевного спокойствия представляют не только страхи, но даже подозрения и неуверенность относительно природных явлений. С этой точки зрения сдерживания страхов перед силами природы может оказаться недостаточно для достижения покоя. Необходимо избавиться от любых вызывающих душевные волнения подозрений в отношении природы.

У Эпикура имеется еще одно высказывание, которое может свидетельствовать в пользу версии о полном устранении страхов перед силами природы: «Нельзя разрушать страх относительно самых важных вещей, не зная природы вселенной, но подозревая истину в чем-нибудь из того, что рассказывается в мифах. Поэтому нельзя без изучения природы получать удовольствия без примеси (ἀχέραιος) (страха)» (KDox 143). Здесь, на наш взгляд, Эпикур подчеркивает ценность и важность чистого (ἀχέραιος) удовольствия, т. е.

душевного спокойствия. Любая примесь страха, связанная с непониманием устройства природы, способна нарушить покой. Отчистить сердце от страхов и страстей призывает также Тит Лукреций Кар (*De rerum natura* V 18, 43–46). Как мы показали выше, по мнению Эпикура, нет смысла добиваться безопасности среди людей, если тебя тревожат мысли о смерти, богах, небесных явлениях и судьбе. Возможно, в том числе и поэтому Эпикур настроен в отношении этих страхов максимально нетерпимо. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что версия о приверженности Эпикура полному устранению страхов перед силами природы выглядит более убедительной.

Важное место в рассуждениях античных философов о страстях занимает любовь (ἔρως). Эпикур не является исключением и также уделяет данной страсти некоторое внимание. Но из высказываний самого Эпикура не очень ясно, какой позиции он придерживается в отношении любви. Эпикуру принадлежат следующие слова: «Когда отнимается возможность видеться, разговаривать, общаться, кончается любовная страсть (ἐρωτικὸν πάθος)» (*Sent.* XVIII). Мы полагаем, что в данном фрагменте Эпикур обращает внимание не только на природу этой страсти. Эпикур показывает способ, с помощью которого можно избавиться от этого чувства. Из чего следует, что философ отрицательно относится к любовной страсти. Также, как сообщает Диоген Лаэртский, согласно эпикурейцам, «мудрец не должен быть влюблен» (*DL* X 118). Однако данные свидетельства не дают однозначного ответа на вопрос о том, как, согласно Эпикуру, следует поступать с этой страстью – изгонять ее или сдерживать. Еще больше запутывают ситуацию известные заявления Эпикура о любовных наслаждениях. Главная мысль в них заключается в том, что «любовные наслаждения (ἄφροδίσια) никогда не приносят пользы; довольно того, если они не повредят» (*Sent.* LI). Очевидно, что Эпикур, несмотря на свое крайне настороженное отношение к стремлению к любовным наслаждениям, не пытается его полностью изгнать. Видимо у Эпикура имеется понимание того, что стремление к любовным наслаждениям является естественным желанием, которое очень сложно изгнать в силу человеческой природы. Здесь следует отметить, что Эпикур вероятно разделяет любовное наслаждение (ἄφροδίσια) и любовную страсть (ἐρωτικὸν πάθος). Если стремление к любовным наслаждениям, по мнению Эпикура, является хоть и не обязательным, но естественным желанием, то любовная страсть является своего рода помешательством и тяжелой душевной болезнью.

Данное предположение находит подтверждение у Филодема и Тита Лукреция Кара. Филодем отзывается о любовной страсти очень негативно: «Лю-

бовь (ἐρωτικὴν) очень вредна и тревожна и довольно близка к умопомешательству (πα[ρανοία])» (Philodemos, *Über die Götter* III 76,4–8). Тит Лукреций Кар подробно и красочно описывает любовную страсть: «Это Венера для нас; это мы называем Любовью (Amoris) <...>. Ибо, хоть та далеко, кого любишь, – всегда пред тобою призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя. Но убежать надо нам этих призраков, искореняя все, что питает любовь, и свой ум направлять на другое» (De rerum natura IV 1058, 1061–1064). Хорошо видно, что автор поэмы «О природе вещей» прямо призывает к полному устранению любовной страсти. Свою мысль Тит Лукреций Кар продолжает следующим образом: «Влаги запас извергать накопившийся в тело любое, а не хранить для любви единственной, нас охватившей, тем обрекая себя на заботу и верную муку» (De rerum natura IV 1065–1067). В данном фрагменте Тит Лукреций Кар, во-первых, объясняет, чем грозит человеку любовь. Это страдания и заботы. А, во-вторых, он призывает отделить стремление к любовным наслаждениям от любовной страсти. Если первое следует удовлетворять, то от второй необходимо полностью отказаться. Как пишет К. Аренсон, эпикурейцы различают секс и любовь: «Желание секса естественно и не обязательно, пока оно остается свободным от навязчивых эмоциональных и физических привязанностей, которые подпитываются ошибочными представлениями влюбленных о реальности романтических отношений» (Arenson 2016, 303–304). Все это позволяет нам сделать вывод о том, что Эпикур в вопросе о любовной страсти склоняется к ее полному устранению.

Одной из самых обсуждаемых страстей в античной философии был гнев (ὀργή). Между стоиками и перипатетиками, как мы отметили выше, велась активная полемика по вопросу об отношении к гневу. Но, имеющиеся в нашем распоряжении сведения, позволяют предположить, что в этой полемике принимала участие еще одна сторона – эпикурейцы. Как и в случае с любовной страстью, в отношении гнева у Эпикура на первый взгляд просматривается двойственная позиция. С одной стороны, Эпикур высказывает мнение, которое может быть интерпретировано в пользу версии об искоренении гнева. Рассуждая о богах, Эпикур говорит: «Блаженное и бессмертное (μακάριον καὶ ἄφθαρτον) (существо) и само не имеет хлопот [беспокойств] и другому не причиняет их, так что оно не одержимо ни гневом (ὀργαίς), ни благоволением; все подобное находится в немоощном» (KDox 139). В конце письма к Менекею Эпикур уподобляет человека, познавшего эпикурейские истины, богам. Такой человек, согласно Эпикуру, никогда не придет в смятение и будет «жить, как бог (θεός) среди людей»: «Да, совершенно не похож на смертное существо человек, живущий среди бессмертных благ» (Ad Men. 135). Боги, как существа, пребывающие в совершенном покое и не одержимые страстями, в некотором

смысле являются для Эпикура образцом для подражания. В этом плане рассуждение Эпикура о безгневных богах можно рассматривать в качестве аргумента в пользу версии о его приверженности устранению гнева.

С другой стороны, Эпикуру принадлежат слова, которые выдают в нем сторонника сдерживания гнева: «Ведь, если гнев ($\delta\rho\gamma\alpha\iota$) у родителей на детей бывает за дело, то, разумеется, глупо противиться, вместо того чтобы просить прощения; если не за дело, а неразумно, то совсем смешно еще разжигать это неразумие ($\acute{\alpha}\lambda\omicron\gamma\iota\alpha\nu$) своим раздражением ($\theta\upsilon\mu\omicron\chi\alpha\tau\omicron\chi\omicron\upsilon\nu\tau\alpha$), вместо того чтобы стараться изменить [утишить] ($\mu\epsilon\tau\alpha\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$) его (т. е. гнев) другими способами своим благоразумием» (Sent. LXII). Как мы видим, Эпикур признает право на гнев в отдельных ситуациях. В частности, по мнению Эпикура, гнев у родителей за проступки своих детей является естественным. Безусловно Эпикур осуждает гнев, основанный на раздражении и не имеющий разумного основания. Но даже в этом случае Эпикур призывает не столько к полному устранению гнева, сколько к его смягчению. Если обратиться к трактату Филодема «О гневе», то мы также обнаружим рассуждения о том, что эпикурейский мудрец способен испытывать гнев. При этом Филодем прямо критикует тех, «кто болтает, пытаясь усмирить его [гнев]», т. е. стоиков и тех, «кто усиливает его, выступая в защиту», т. е. перипатетиков (On Anger, Cols. 31.17–21). Как пишет Филодем, «приступы гнева действительно случаются у хороших людей, как всякий раз, когда кто-то обижает их друзей, так и всякий раз, когда друг ведет себя плохо, причиняя себе ущерб» (On Anger, Cols. 41.17–23). У Филодема просматривается мысль о том, что мудрец, даже при наличии гнева, не будет подвержен сильным волнениям и беспокойству (On Anger, Cols. 42.5–12). Тем самым, Филодем, говоря о способности мудреца контролировать гнев, подчеркивает важность его сдерживания, а не искоренения.² Мы согласны с мнением о том, что «отношение Эпикура к гневу совпадает с отношением Филодема: гнев не ценится высоко, хотя и не запрещен, и при некоторых

---

² Исследователи уже давно обратили внимание на то, что Филодем разделяет гнев на два вида – естественный и пустой. Как пишет М. М. Шахнович: «Филодем отмечает, что яростный гнев ($\theta\upsilon\mu\omicron\varsigma$) – это такой тип страсти, который в эпикурейской школе рассматривается негативно, всегда отрицается сама возможность наличия у яростного гнева позитивного содержания. А гнев ($\omicron\gamma\epsilon$), хотя и с некоторыми ограничениями, не вызывает резкой критики, так как без него невозможно обойтись в силу его внутренней “естественности” для человека в связи с тем, что он возникает “по природе”» (Шахнович 2018, 33–34). Остается открытым вопрос о том, разделял ли Эпикур гнев на два вида, или автором этой концепции является кто-то из поздних эпикурейцев, в частности Филодем.

обстоятельствах неизбежен» (Philodemus 2020, 90). Таким образом, мы полагаем, что для Эпикура было характерно рассмотрение гнева в качестве той страсти, которую следует сдерживать и контролировать.

Если говорить об отношении Эпикура к таким страстям, как алчность (φιλαργυρία), сластолюбие (λιχνεία) и зависть (φθόνος), то здесь просматривается следующая картина. В письме к Идоменею Эпикур пишет: «Если хочешь сделать Пифокла богатым, не прибавляй ему денег, но убавляй страсть (ἐπιθυμίας ἀφαίρει) (к деньгам)» (fragmenta epícurea C 28). Слово ἀφαίρειω может означать как «убавлять», «уменьшать», так и «устранять», «удалять». Следовательно, данное высказывание Эпикура можно понимать двояко. Речь может идти как об убавлении алчности, так и о ее полном устранении. Но следующее высказывание Эпикура уже не оставляет сомнения в его отношении к алчности. Как говорит философ, «любовь к деньгам (φιλαργυρεῖν), приобретенным нечестным путем, нечестива; к деньгам, приобретенным честным путем, позорна; непристойна грязная скаредность даже и при честности» (Sent. XLIII). Эпикур осуждает малейшее проявление алчности. Не менее негативно Эпикур высказывается о зависти (φθόνος). Как он полагает, «никому не следует завидовать: хорошие люди не заслуживают зависти (φθόνου), а дурные, чем счастливее бывают, тем более вредят себе» (Sent. LIII). Таким образом, мы полагаем, что, согласно Эпикуру, алчность и зависть не заслуживают ничего кроме презрения и полного устранения.

Интересное отношение у Эпикура просматривается к таким страстям как печаль, скорбь (λύπη) и сострадание (ἐλεημοσύνη). Эпикур называет свободу от печали (ἀλυπία) одной из характеристик счастливой и благополучной жизни (fragmenta epícurea D 85). В то же время в нашем распоряжении имеются свидетельства положительного отношения Эпикура к печали и жалости. Сообщается, что эпикурейский «мудрец доступен даже горю (λυπητήσεσθαι δὲ τὸν σοφόν), как говорит Диоген в V книге “Выборок”» (DL X 120). В другом фрагменте говорится о том, что «рабов он не будет наказывать, а будет жалеть (ἐλεήσειν) и усердных прощать» (DL X 118). Ценные сведения сообщает Сенека. Так, согласно римскому стоику, ученику Эпикура Метродору принадлежат следующие слова: «Есть некое наслаждение (voluptas), неотделимое от печали (tristitia)» (Ep. XCIX 28) (здесь и далее пер. С. А. Ошерова). Метродор считается ближайшим учеником Эпикура. Следовательно, можно предположить, что мысль о связи между наслаждением и печалью принадлежит также и Эпикуру. У Сенеки данная мысль вызывает глубокое возмущение. Он не понимает, как можно получать наслаждение от скорби, вызванной потерей друга или страданиями близких людей (Ep. XCIX 26–27).

Мы полагаем, что в действительности Эпикур и Метродор далеко не во всякой печали и скорби усматривают возможность для получения наслаждения. Вероятно, для Эпикура была характерна мысль о заключении некоего духовного наслаждения в той печали, которая связана с утратой близких людей и друзей. Как говорит Эпикур, «будем выказывать симпатию (умершим) друзьям не оплакиванием их, а размышлением о них» (Sent. LXVI). Представление о том, что воспоминания и размышления об умерших друзьях могут заключать в себе приятную печаль или светлую грусть, вполне укладывается в общий тон рассуждений Эпикура.

Особое место у Эпикура занимает такая страсть, как радость (*χαρά, γήθοσύνη*). В отличие от большинства других страстей, которых, по мнению Эпикура, следует избегать, стремление к радости заслуживает всяческого одобрения. Но эта радость не должна быть связана с материальными благами и вздорными желаниями. Источник подлинной радости – это духовные блага. Согласно Эпикуру, это душевное спокойствие, телесное здоровье, дружба, приятные воспоминания. При этом Эпикур, насколько можно судить по источникам, допускает очень сильную радость. В пользу этого может говорить следующий фрагмент: «То, что производит радость непревосходимую [выше которой ничего нет] (*ἀνυπέρβλητον γήθος*), есть избавление от большого зла» (fragmenta epícurea D 61). Но еще более убедительными выглядят следующие высказывания философа: «Говори же мне, Полиэн, знаешь ли ты, что было для нас великой радостью (*μεγάλη χαρά*)?», «Милая Леонушка, какой шумной радостью (*κροτοθόρουβου*) наполнило меня твое письмецо, когда я читал его!» и «Я ликую (*βρυάζω*) от радости телесной, питаюсь хлебом и водою, и плюю на дорогие удовольствия, – не за них самих, но за неприятные последствия их» (fragmenta epícurea C 20, 32, 37). Используя выражения *μεγάλη χαρά* (великая радость), *κροτοθόρουβος* (шумные рукоплескания) и *βρυάζω* (орать во все горло), Эпикур подчеркивает допустимость ликования в отдельных случаях. Высокая ценность радости в философии Эпикура определяется еще одним обстоятельством. Дело в том, что радость способна ослаблять страдание. Именно об этом говорит Эпикур, находясь при смерти и испытывая тяжелые страдания: «Но всему этому противоборствует душевная радость (*ψυχὴν χαίρον*) при воспоминании бывших у нас рассуждений» (fragmenta epícurea C 30).

4. Заключение

Как мы показали, учение о страстях занимает одно из важнейших мест в философии Эпикура. В отличие от перипатетиков и стоиков, Эпикуру и его последователям принадлежит мало отдельных сочинений, посвященных страстям. Однако рассуждения о страстях встречаются почти во всех сохранившихся текстах Эпикура. Если стоики являются сторонниками апатии (бесстрастия), а перипатетики – приверженцами метриопатии (умеренности в страстях), то Эпикур занимает позицию, которая выглядит менее однозначной и более гибкой. Подход Эпикура заключается в рассмотрении каждой отдельной страсти на предмет ее соответствия конечной цели жизни. Как мы установили, согласно Эпикуру, страстями, доставляющими наибольшие душевные страдания и заслуживающими полного устранения, являются страхи перед силами природы, любовная страсть, алчность. Гнев в определенных жизненных ситуациях признается естественным и поэтому заслуживает сдерживания. Приятную печаль, связанную с воспоминаниями об умерших друзьях, и сострадание к близким людям Эпикур одобряет. Радость у Эпикура удостоивается самой высокой оценки. Эпикур приветствует даже самую сильную радость, но при условии, что источником ее происхождения являются духовные блага. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в вопросе о страстях Эпикуру удастся выработать свою собственную позицию, которая занимает место между крайними воззрениями стоиков и умеренными представлениями перипатетиков.

Источники

- Аристотель. Никомахова этика. Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской. Соч. в 4-х т. Т. 4. Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. Москва, 1983.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. Москва, 1986.
- Лукреций. О природе вещей. Т. 1: Редакция латинского текста и перевод Ф. А. Петровского. Ленинград, 1946.
- Лукреций. О природе вещей. Т. 2: Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. Составил Ф. А. Петровский. Ленинград, 1947.
- Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Пер. с лат. С. А. Ошерова. Москва, 1977.
- Сенека. О гневе. Пер. с лат. Т. Ю. Бородай. Философские трактаты. Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. СПб, 2001.
- Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. Пер. и коммент. А. А. Столярова. Москва, 1998.

- Фрагменты ранних стоиков. Т. III, Ч. 1. Хрисипп из Сол. Этические фрагменты. Пер. и коммент. А. А. Столярова. Москва, 2007.
- Цицерон. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков. Пер. с лат. Н. А. Федорова. Вступ. ст. Н. П. Гринцера. Коммент. Б. М. Никольского. Москва, 2000.
- Цицерон. Тускуланские беседы. Пер. с лат. М. Гаспарова. Избранные сочинения. Пер. с лат. Сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ощерова и В. Смирнина. Москва, 1975.
- Philodemos über die *Götter*. Erstes Buch Griechischer Text und Erläuterung von H. Diels. Berlin, 1916.
- Philodemus. On Anger. Introduction, Greek Text, and Translation by David Armstrong and Michael McOsker. SBL Press, 2020.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Демина, С. С. (2023) «Цицерон и Сенека о страстях и пороках», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 17 (2), 736–747.
- Столяров, А. А. (1995) *Стоя и стоицизм*. Москва.
- Шахнович, М. М. (2018) «Филодем о гневе», *Общество: философия, история, культура*, 12 (56), 31–34.
- Arenson, K. E. (2016) “Epicureans on Marriage as Sexual Therapy,” *Polis. The Journal for Ancient Greek Political Thought*, 33, 291–311.
- Farrington, B. (1967) *The Faith of Epicurus*. New York.
- Konstan, D. (2008) *A Life Worthy of the Gods. The Materialist Psychology of Epicurus*. Parmenides Publishing.
- Rist, J. M. (1972) *Epicurus: An Introduction*. Cambridge University Press.
- Sharples, R. W. (2003) “The Peripatetic school,” in *Routledge History of Philosophy. Volume II: From Aristotle to Augustine*. D. Furley, ed. London: Routledge, 147–187.
- Tsouana, V. (2011) “Philodemus, Seneca and Plutarch on anger,” in *Epicurus and the Epicurean Tradition*. J. Fish, K. R. Sanders, eds. Cambridge University Press.
- Warren, J. (2004) *Facing Death: Epicurus and his Critics*. Oxford.

References in Russian:

- Demina, S. S. (2023) “Ciceron i Seneka o strastyah i porokah,” *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 17 (2), 736–747.
- Shahnovich, M. M. (2018) “Filodem o Gneve,” *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 12 (56), 31–34.
- Stolyarov, A. A. (1995) *Stoya i stoicizm*. Moskva.